

Кто вы, Серафим Лось?

О существовании писателя Андрея Соболя читателям напомнили в середине шестидесятых. Как водится в истории советской литературы, полуопальные писатели возвращались в виде литературных героев. Традицию эту начал К. Паустовский, выведя И. Бабеля одним из персонажей "Времени больших ожиданий". У того же Паустовского в рассказе "Случай в магазине Альшванга" появляется и Соболев. Очаровательное повествование о милом неусидчивом талантливом, но совершенно не умеющем расставлять абзацы и запятые человеке, — только после правки опытного корректора рассказа, принесенный Соболев, становится истинным шедевром. Паустовский не мог написать о Соболе по-другому: ни об эсеровском прошлом, ни о том, как его, политкаторжанина, арестовало ЧК.

Об этом спустя почти двадцать лет осмелился напомнить Валентин Катаев, к тому времени уже лауреат всевозможных премий. Он написал об одесской ЧК. В 1979 году была опубликована повесть "Уже написан Вертер". И вот появляется Серафим Лось — Андрей Соболев: "Серафим Лось... В его профиле было действительно что-то горбоносо-лошиное, сохатое... Он сидел, согнувшись, над маленькой портативной пишущей машинкой... Он сводил счеты с русской революцией. Он писал о себе... "И ковался, ковался загадочный круг — стучали букочки пишущей машинки, — таща за собой назло всему земному, разумному — но во имя неразумного! — Нерчинский острог, и Черемховский рудник с вагонетками и тачками, и номер петербургской "Астории" с бомбой в чемодане якобы английского инженера Джона Уинкельтона, и кандалы, и лодку-душегубку, плывущую вниз по Амуру к океану, к Азии, к воле, и смертный приговор, выслушанный в здании военного суда... и ночные парижские кафе возле рынка... и карцер, узкий как гроб, откуда, кажется, не выйти живому... и коридор Смольного, и залы Таврического дворца... и знамена, знамена, знамена, красные, как кровь человеческая, и толпы на Невском, и салон-вагон комиссара Временного правительства".

Да, читатели долго разгадывали — кто есть кто в повести. И мудрено было вспомнить тщательно вычеркнутое из истории русской литературы имя эсера-боевика. И писателя. Писатель создает мир, боевик убивает — во имя общего счастья. А когда мир боевика торжествует — гибнет писатель. И действительно, Андрей Соболев 7 июня 1926 года возле памятника Тимирязеву на Тверском бульваре выстрелил из револьвера. В себя.

Катаев уместил на одной странице практически всю биографию Соболя. Что ж добавить? Что звали Соболя Юлий Михайлович (имя всегда приводилось в русской транскрипции), родился он в 1888 году в Саратове в бедной еврейской семье. Подлинная фамилия, по-видимому, Глузман (упоминает ее только Катаев, который близко знал Соболя). Арестован и осужден в 1906 "за хранение и приобретение огнестрельного оружия, приобретенного для насильственного изменения установленного в России образа правления", был на самой страшной каторге — так называемой "колесухе", бежал. С 1909 по 1914 —

в эмиграции — Франция, Италия. Нелегально вернулся в Россию в 1915. В 1917 — комиссар Временного правительства на Северном фронте. А потом скитания по России.

Почти полтора года — с 1919 по 1921 — он провел в Одессе. Как и все, участвовал в литературных вечерах, много писал.

Андрей Михайлович имел дурную привычку заступаться за арестованных интеллигентов. Благо председатель одесского ЧК Макс Дейч был с ним вместе на каторге. Сохранились воспоминания людей, спасенных Соболев. И о людях, им спасенных. Понятно, что при такой неуместной привычке никакое революционное прошлое не поможет. И Соболев сел крепко. Он писал Владимиру Лидину: "Как день проходит? — как проходил 11 лет тому в Зарентуе. Этим все сказано. Несколько новых жутких черт".

Московские писатели пытаются помочь, но безуспешно. Борис Зайцев вспоминал, как Каменев отреагировал на просьбу заступиться за Соболя:

— Какого Соболя? Который написал роман "Пыль"?

— Да.

— Плохой роман. Пусть посидит.

Я заметил, что он сидит уже семь месяцев, неизвестно за что.

— Ну, это много. Постараемся выпустить".

Соболев был огорчен обращением друзей к властям. Он пишет Лидину: "...хотя бы только вы, зная меня, не подумали, что мне все это будет более чем неприятно. Я всегда ненавидел "припадать к стопам", тем более мне противно это теперь. ...я могу быть легкомыслен в чем угодно, но только не в этом и, кажется, я это доказал всеми последними годами. ...я не привык ни подмазываться, ни лизоблюдничать и не пресмыкаться. Вот и все. И это все надо было понять, когда речь идет обо мне и власти. Какая — это неважно. Точно так же я держался у добровольческого коменданта, когда меня вели утром солдаты, как большевистского видного комиссара. По-видимому, наша милая русская интеллигенция забыла о том, что кроме пайков, жалованья, премиальн[ых] и суточных, существует и еще одна крохотная вещичка, такая маленькая, маленькая — убеждения. Пусть это "мещанство", пусть это "детские игрушки", но я другого мнения. Поэтому я и огорчен и удручен вашим визитом к К[аменеву]. ...И если бы ты знал, как дались мне эти три месяца, как безмерно хочется на волю, как порой тяжело чувствовать себя запертым, связанным, отгороженным, но из этого вовсе не следует, что я должен стучаться лбом и просить о снисхождении. И если бы ты только знал, как обидно за каждый потерянный день, ибо сидеть ведь может каждый дурак, как, впрочем, и посадить может любой умник".

Эмигрантская газета "Последние новости" писала о Дейче: "Наказание свое (имеется в виду каторга. — **А. Я.**) он отбывал вместе с писателем Андреем Соболев, которого недавно продержал несколько месяцев в тюрьме". Освободили Соболя в конце августа 1921. Он уехал в Москву.

Каким запомнили его современники? "Невысокого роста, большеголовый, смуг-

лый, кудрявый, с очень крупными чертами лица, очень красивыми карими глазами, нервный, добрый, легкомысленный, смелый, любящий, по-еврейски нетерпимый, по-русски непутевый, из тех горящих с двух концов людей”, — писал Михаил Осоргин.

Удивительно, но его любили не только читатели, но и писатели. В начале 1925 года по итогам анкеты он был признан самым популярным прозаиком. Притом, что конъюнктурным никогда не был.

Что же написал Соболев: романы "Пыль", "Салон-вагон", "Повесть о голубом вагоне", "Мемуары веснушчатого человека", рассказы. Набралось на четыре тома. Только где их прочитать сегодня? Последний раз книги его выходили в 1928 году.

Сейчас о Соболе, особенно о Соболе в Одессе, пишут. Сергей Лущик в "Реальном комментарии к повести "Уже написан Вертер" сравнивает текст повести с подлинными фактами биографии писателя, Владимир Хазан в статье "Андрей Соболев в Одессе" приводит его письма из одесской тюрьмы.

В начале перестройки поэт Марк Соболев на просьбу передать в Одесский литературный музей материалы об отце отрезал: "Советская власть его ненавидела, и ничего не даст показать". Он был не так уж и неправ. Ибо хотя газета с рассказом Соболя и есть в экспозиции музея, книги его так и не были переизданы. Ни в свободной России, ни на независимой Украине.

Мы живем без его книг. А может, с ними было бы чуть лучше?

Недаром же Катаев написал в 1926: " В лице Соболя русская литература потеряла талантливого писателя, еще не успевшего проявиться во всей своей силе. Простота, отсутствие фальшивых ухищрений. Ясный, доступный язык. Теплота и человечность. Вот причина заслуженного успеха Андрея Соболя".

Рассказы Соболя печатались в журнале "Огонек" чуть ли не с первых месяцев его существования — с 1923 года. Одна из последних прижизненных публикаций была в том же "Огоньке". Перестроечный "Огонек" вспомнит о своем авторе и опубликует несколько рассказов в конце 1980-х. Но все же большинство рассказов Соболя доступно лишь читателям старых пожелтевших подшивок двадцатых годов. Попытаемся исправить это.

Алена ЯВОРСКАЯ

Андрей СОБОЛЬ

Заседание

По украинским полям отскрипели везы, золотое зерно по верным, стойким налаженным дорогам за Рейн, золотым дождем обливая Кенигсберг, Лейпциг, Берлин, в леса убегали жители деревень, дымились сожженные избы, курились стога, воя в ночь, в тишь, в безлюдье поднимались с земли изнасилованные девушки, в Киеве, по Крещатику, гарцевали опереточные личные конвойные украинского гетмана.